

Тамара Шелест

Рождённый выжить



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84
Ш42

Шелест Т.

Рождённый выжить / Шелест Т.; ред. Шелест Т.; с участием
Московцева С. В., Мельникова Т. М. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 187 с.

ISBN 978-5-532-96532-4

«РОЖДЁННЫЙ ВЫЖИТЬ» – биографический роман. В его основу легли подлинные биографические записки героя книги. Вместе с ним мы окунёмся в самую трудную и порой страшную эпоху – первую половину двадцатого века, эпоху становления Советского государства. Окажемся в самом сердце Сибири, увидим её красоту, почувствуем её запахи. Пройдём через все преграды, стоявшие на жизненном пути простого деревенского парня с сибирским характером из глухого таёжного края, записки которого фактически являются свидетельством того времени. Нас ждут приключения и испытания, смех и слёзы. Мы перенесёмся из Сибири на Урал, побываем на Севере, уедем на Дальний Восток, увидим Среднюю Азию, пройдем через горнила второй мировой войны. Имя главного героя подлинное.

Содержание

Пролог	4
Сказание о Евдокиме	6
Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	59
Глава 8	65
Глава 9	74
Глава 10	83
Глава 11	91
Глава 12	100
Глава 13	112
Глава 14	120
Глава 15	128
Глава 16	136
Глава 17	142
Глава 18	157
Глава 19	163
Глава 20	169
Эпилог	180
Унесённый ветром	183
От автора	184
Об авторе	187

Пролог Сибирь

1890 год. Широка и неоглядна земля Сибирская! Её просторы раскинулись от южных душистых лугов до северных ледяных пустынь, от берегов Тихого океана до отрогов Уральских гор. Холодный, загадочный и неизведанный край зелёной тайги, многочисленных голубых рек и хрустальных озёр. Огромная, необъятная, страна целомудренной природы, первозданной красоты, не тронутой человеком. Не все, кто прибывает сюда, желанны ей. Красавица Сибирь холодна к тем, кто слаб, труслив и коварен. И уж если полюбит она кого, то благоволение её будет безгранично! С высоты птичьего полёта так близко к небу кажутся верхушки высокоствольных деревьев-исполинов: сосен, кедра, пихты, елей. Воздевая свои руки-ветви, уверенно тянутся они ввысь, словно хотят достать солнце. Матушка-земля щедро поит и кормит их, но молодые веточки-побеги стремятся к небу, будто к отцу своему, соревнуясь между собой бархатистыми верхушками. Яркое солнце не жалеет для них своего божественного света и тепла, окрашивая леса, луга и поля разноцветьем драгоценных камней.

Тайга насыщает воздух целебными ароматами, наделяя людей богатырским здоровьем, даруя пищу всему живому. Сибирские реки, словно лазурные ожерелья земли, причудливо извиваясь, обхватывают своими живописными берегами таёжные лесные участки, холмы, поля, степи и непрерывным, быстрым потоком движутся на север, впадая в Северный Ледовитый океан. Реки как голубые вены земли, её кровеносные русла, обеспечивают своей животворящей влагой всех нуждающихся в ней и олицетворяют бесконечность жизни. Гладкая поверхность синих озёр зеркально отражает красоту небесной выси. Птицы поют райские песни, радуясь жизни, животный мир богат, разнообразен и ещё не знает человека...

* * *

В Сибири издревле проживали коренные жители края: буряты, тувинцы, якуты, коряки, тунгусы, чукчи, дауры и другие народности. В средние века здесь стали появляться и русские. Их численность постепенно увеличивалась за счёт вольных людей: казаков, ссыльных, разбойников, беглых и каторжников. В результате завоевания Московской Русью Сибири в 1582 году пали золотоордынские Сибирские ханства. Началось активное заселение и освоение русскими людьми и другими славянскими народами: украинцами, белорусами и казаками – новых для них сибирских земель. С отменой крепостного права в 1861 году переселение приобрело более массовый характер. За сравнительно короткий срок сюда переехали миллионы переселенцев из центральных районов Российской империи. Нехватка земельных угодий, налоги и голод на родине вынуждали крестьян искать свободные земли. В 1889 году был издан Переселенческий закон, и организацией переселения занялось государство, но наряду с этим существовало и самовольное переселение.

Крестьяне, добравшиеся своим ходом, называли себя самоходами...

Сказание о Евдокиме

Когда-то, очень давно, мои предки жили в Белоруссии недалеко от Могилёва в деревне Рогинь. Прадеды всю жизнь работали мельниками, а после отмены крепостного права держали свои мельницы, из-за чего люди дали им прозвище «мельники». Впоследствии прозвище стало нашей фамилией – Мельниковы. В 1888 году моего прадеда Евдокима и ещё двух крестьян от всей крестьянской общины отправили ходоками на поиски свободных земель для переселения. Их обеспечили деньгами и с наставлениями отправили в далёкий путь.

– Отправляем мы вас, Евдоким, Прохор и Демьян, искать лучшей доли для нашей общины. Вы смыслённые, молодые и сильные. На Бога и на вас уповаем, что найдёте спасение в далёких землях, а иначе погибнут наши дети от голода на родной земле.

Евдоким с братьями побывали на берегу Чёрного моря и в южном Поволжье, но свободных земель не нашли, и пришлось им продолжить поиски. По пути на Урал им встретились земляки-белорусы, которые рассказали о чуде великом:

– Мы тоже бывали в Поволжье. Там без нас хватает голодных и сирых, надо ехать на восток, слышали мы о большой и свободной земле – Сибири! Там видимо-невидимо земли непаханой и лесов нетронутых. Хоть всю Беларусь переселяй, и то место останется. А сколько трав, пастбищ – раздолье!

– Да ладно сказки сказывать, – не поверил им Евдоким, – ну, всё едино – ехать надо, здесь мы не нашли для себя земли.

Незамедлительно отправились они в неизведанный край. Шли и ехали от Поволжья через Урал до Тюмени, оттуда в Тобольск. И в конце июня добрались до города Ишима и Ишимских лесов. Там их взору открылась знакомая картина, словно они попали в родную Белоруссию, но только на другом конце земли. Такие же леса, но гуще, такие же поля, но не паханные, такие же реки, но не укрощённые человеком. Такие же непроходимые лесные чащи с буреломами,

болотистые участки, как в Полесье, горные возвышенности, хвойные деревья: сосновый бор, ели и до боли знакомые осины, дубы, черёмухи, берёзовые перелески...

Евдоким взял горсть сибирской земли и поднёс к носу. Эта земля пахла свежестью и хвоей. Она не пахла человеческим потом, не знала боли от ран, нанесённых железным плугом, не была удобрена навозом. Из неё не выкорчёвывали корни деревьев, за которые она держалась, чтобы не разнёс ураганный ветер её по четырём концам света, чтобы не смыло плодородный слой почвы ливнями и наводнениями. Она чиста и невинна.

Евдоким низко поклонился невидимому хозяину этого края, встал на колени и поцеловал землю:

– Земля, кормилица! Вот мы и нашли тебя, прими нас, позволь поселиться здесь на веки вечные.

Из лесной чащи показался олень. Он посмотрел на пришлых людей и долго так стоял, словно вспоминая, где он мог видеть таких необычных животных на двух ногах? Потом подошёл к реке и стал пить воду. На небе ни облачка, кругом ни души. Только звуки природы: лёгкий шум листвы, пение птиц и журчание реки. Ласковый ветерок доносил до людей запахи тайги.

– Добрый знак! – Евдоким по-хозяйски окинул взглядом окружающую местность. Земля сибирская песчаная, местами глинистая, пусть не черноземье, зато свободная. Кругом густые леса, богатые пастбища. В тайге много зверей, дичи, ягод, лесоматериалов, необходимых для строительства жилищ. А самое главное – много воды: реки, озёра, болота. «Сказка, да и только!» – окинув взглядом окружающую местность, подумал Евдоким.

И поспешили ходоки обратно на родину, чтобы скорее сообщить людям добрую весть.

Вернувшись в Белоруссию, они поведали о свободных бескрайних землях, пастбищах, нетронутых лесах далёкой земли. Было решено: всей общиной готовиться к переезду на новое место жительства. Прощаясь с родиной, все знали, что уезжают навсегда. Перед дорогой женщины рыдали. Плакали даже мужчины. Некоторые семьи так и не решились оставить родину.

– Помрём здесь, незачем нам от судьбы бегать, – говорили они, провожая односельчан.

Так весной 1890 года крестьяне Рогини направились в Сибирь. Моему отцу Никите в ту пору исполнилось четыре года. Переезд был долгим, тяжёлым и мучительным. Оседлым крестьянам трудно было даже представить, какая будет дорога.

– Ничего, – говорил рогинский крестьянин Емельян, погоняя лошадь, – цыгане вон, кочуют, и мы сможем.

– Ну ты хватил! – не согласился с ним шедший рядом с повозкой его брат Пётр. – Они рожают в дороге и растут в пути, а мы кроме деревни ничего и не видели. Боязно очень, да и здесь оставаться – верная смерть!

– Оно так и есть! – Емельян прыгнул на землю и пошёл рядом с братом, не выпуская из рук вожжи. – Посмотрим, какую землю нашли для нас ходоки. Глянь-ка, погода–то хороша! Вот так бы всю дорогу.

Вместе со всеми ехала и моя бабушка Акси́нья (по линии мамы) с девятью детьми. Её муж, мой дед Елисей, умер в Белоруссии задолго до этого переселения. Акси́нья была смелой и отчаянной женщиной: без мужа, одна, с детьми отправилась в дальнюю дорогу через всю империю к центру Сибири.

Самоходы шли длинной вереницей обозов большими семьями по трудным дорогам России, на телегах, верхом на лошадях, пешком, преодолевая тысячи километров с детьми, стариками и пожилыми. Ехали под открытым небом, по вязким и разбитым дорогам, теряя не только вещи, но и детей, и родителей, которые умирали от болезней, слабели от трудного пути. Переселенцев настигали ливни и грозы, пронизывающие ветра. По ночам они замерзали, а днём шли под палящим солнцем. Дорога заняла несколько месяцев: с весны до конца лета. К концу пути недосчитались людей, потому что не все выдержали выпавшие им испытания. А те, кто выдержал и дошёл до заветной цели, принялись за строительство деревни...

Место, где решено заложить деревню Ермаки (по имени завоевателя Сибири Ермака, который останавливался в этих местах), было

сплошным густым лесом. Поэтому её разместили на увале (холм с пологими склонами). Каждой семье выделялся участок. Надо было до морозов успеть построить избы-временки, поэтому переселенцы усердно трудились от зари до заката. А с весны начали строить добротные избы-срубы из сибирского кедра и пихты. По окончании строительства дом протапливали для сушки, и тогда по нему распространялся приятный пихтовый и кедровый запах. Окна с двойными рамами, обращённые к югу, обрамлялись массивными наличниками с резными ставнями. К избам пристраивали сени и крыльцо. Во дворе обязательно появлялась баня и постройки для скотины. Полы стелили двойные деревянные, потому что зимы в Сибири лютые. В хате главное место занимала печь, у окна ставили деревянный стол, у стен лавки из досок. В сенях держали сани, лыжи, все инструменты для работы в поле и охотничьи принадлежности. Под крышей хранилось сено. Одновременно со строительством избы Евдоким со старшим сыном Иваном возвели на реке водяную мельницу.

Так за три года появились деревни: Ермаки, Осиновка и Еловка. Все они относились к Тобольской губернии Тарского уезда Карголинской волости. Через несколько лет в Ермаках построили церковь. Самым её активным строителем был мой дед Евдоким, которого потом избрали церковным старостой.

Неподалёку от деревень самоходов стояли шесть деревень с русскими старожилками челдонами. Считается, что они пришлые казаки с Дона. Среди них беглые, ссыльные, иначе вольные люди. Челдоны гордятся своей свободой, а подчинение считают позором. Ни перед кем шапку «не ломают», ни от кого не зависят. У них другие обычаи и порядки, да и образ жизни совсем другой. Лапти им незнакомы, тогда как самоходы ходили в лаптях. Когда челдоны впервые увидели следы от лаптей, то, смеясь, целовали этот след, говоря, что здесь прошёл не иначе как сам Иисус Христос! С самоходами браки не смешивали. Всегда держали дистанцию, но по престольным праздникам приезжали в Ермаковскую церковь.

Первая зима встретила новых жителей ледяными объятиями. Морозы доходили до – 45 градусов и оказались для белорусов неожиданно суровыми. Затянувшаяся зима откладывала сев, а запа-

сов до нового урожая не хватало. Не все пережили первую зиму, были и те, кто вернулся на родину, испугавшись морозов и трудностей.

Но жизнь постепенно наладилась, молодые женились, рождались дети, а старики умирали со слезами на глазах вдали от родной земли, вспоминая её тепло и яблоневые сады. Со временем белорусы прижились, Сибирская земля приняла их и стала в 1910 году моей родной...